

© 1995 г. А.Е. СУПРУН

ТЕКСТОВЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ КАК ЯЗЫКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Большую часть своих познаний о мире во всем разнообразии его проявлений человек черпает не из непосредственного опыта, а из текстов. Услышанные или прочитанные тексты оказывают огромное влияние на формирование человека, в том числе на его язык как устройство для производства, преобразования и понимания текстов. Реализация когнитивной функции языка происходит в процессе его функционирования путем передачи через язык обширной текстовой информации о приобретенных обществом сведениях об окружающем мире, в том числе об обществе, о человеке, его теле и душе, о Боге. Роль языка в познании в значительной мере связана с тем, что мир познается через тексты. Но, как известно, определенная часть информации приобретает человеком не из текстов, но непосредственно из языка. Так, сложный и длительный процесс овладения количественными представлениями нашел отражение в категории грамматического числа, в различного вида кратностных категориях, в системе числительных и сопряженных с ними количественных слов. Вся эта информация приобретает человеком вместе с овладением языком. Попадая в человеческое сознание сначала через тексты, такая информация постепенно, на протяжении жизни поколений оседает в языковом устройстве и превращается в его часть.

Один из аспектов влияния текстов на язык состоит в том, что те или иные фрагменты знакомых текстов или даже целые тексты прямо отражаются в новых производимых текстах с осознанным или неосознанным представлением о том, что они улучшат способ передачи мыслей в производимом тексте и будут способствовать его адекватному пониманию и большей эффективности. Это представление связано с тем, что то или иное использование готового текста не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенное соотношение производимого текста с предшествующими, то есть включает его в вертикальный контекст текстового универсума, в тот словесный мир, который создается, по словам А.Р. Лурия, языком [Лурия 1979: 33] и в котором мы живем.

Вкрапления из предшествующих текстов (текстовые реминисценции)⁷ имеют разные функции, источники их разнообразны, коннотации различны, включение во вновь производимый текст осознанно или произвольно. Для дальнейшего рассмотрения примем следующую рабочую дефиницию. Текстовые реминисценции (ТР) – это осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), "крылатые слова", отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. При ТР может иметься или отсутствовать разной степени точности отсылка к источнику.

ТР встречались уже в древних текстах. Широко известны ТР в Библии, в том числе, например, ТР из Ветхого Завета в Евангелии. В Библии отмечают ряд фольклорных элементов [Фрэзер 1990]. Во многих старых текстах имеются прямые или косвенные

ТР из Священного писания; так, например, Кирилл Туровский включил в "Слово на Пасху" не менее 6 цитат или пересказов из Псалтыри, ряд ТР из книг пророков (Исайя 66. 18–20, Осия 6. 1–3, Софония 3.8 и др.), из глав всех четырех Евангелий, повествующих о воскресении Христа (Мф. 28, Мк. 16, Лк. 24, Ио. 20). Эта традиция продолжает существовать вплоть до нашего времени. Нередки обращения старых текстов к фольклору. В.П. Адрианова-Перетц специально отмечала объединение в древнерусской литературе двух поэтических систем – устной, связанной с различными лирическими проявлениями народной поэзии, и письменной, выросшей на почве библейско-византийской литературы [Адрианова-Перетц 1947: 135 и сл.]. В "Слове о полку Игореве" имеются весьма вероятные ТР и из устного народного творчества, и из не дошедших до нас текстов Бояна; "Задонщина" содержит, как известно, ТР из "Слова о полку Игореве". В "Молении" Даниила Заточника не раз вспоминаются не только типичные для древнерусской литературы библейские имена и события (*Иов, Иона, Агарь, Гоморра, Давид, Даниил, Ирод, Лот, Соломон* и др.), но и персонажи античной мифологии, а также персонажи и авторы античной литературы (*Пинидръ = Пиндар (?), Калимидии = Каллимах (?), Терендь = Теренций*) [Лексика 1981: 228–231]. Число подобных примеров может быть легко и очень существенно расширено.

Не только в письменных текстах, но и в произведениях устного народного творчества обнаруживаются ТР. По сути дела, например, переходящие из сказки в сказку персонажи типа *Иванушки-дурачка* или *Василисы Прекрасной* можно рассматривать как ТР, соотносящие данный текст с другими, где тот или иной образ разработан глубже или просто иначе. Подобным образом обстоит дело со многими персонажами сказок о животных. Нередки ТР в былинах, в легендах, в песнях, где часто, как и в сказках, затмевен вопрос об источнике ТР, так как речь идет не только о постоянно повторяющихся эпитетах (что также своего рода ТР) или метафорах, но и об образах, ситуациях и т.п. В какой-то мере, сталкиваясь с бродячими сюжетами или заимствованиями, мы имеем дело с ТР в другой этнокультурной и языковой среде, причем различие языка отнюдь не является непреодолимым для ТР: тексты принципиально и искони переводимы, и такового рода текстовые проникновения – хорошее этому подтверждение. Чему, впрочем, удивляться – ведь отдельные слова тоже не столь редко заимствуются.

ТР встречаются в произведениях детской литературы. Иногда ТР здесь носят такой же, как в фольклоре, характер путешествующих персонажей. Так, Крокодил в "Телефоне" К. Чуковского – это, видимо, тот же самый Крокодил, что с Тотошей и Кокосшей уже на двенадцать лет раньше "Телефона" проходил по бульвару в "Крокодиле", а потом лет за пять до "Телефона", проглотив *мочалку словно галку*, помог герою "Мойдодыра". В определенной мере это связано с той чертой, которую в детской поэзии Чуковского подметил Ю.Н. Тынянов: "Забавные звери с комическими характерами оказались способными к циклизации: главное действующее лицо одной сказки стало появляться, как старый знакомый, в других сказках. Это задолго предсказало мировые фильмы-мультипликации с их забавными звериными персонажами" [Тынянов 1983: 61]. А если думать о большом текстовом универсуме русского читателя, то следует задуматься – нет ли среди просивших по телефону книжки *мартышек* той, крыловской, что на старости лет решила *завести себе очки*?

ТР представлены не только в классической поэзии, о чем свидетельствуют, в частности, нередкие античные имена в поэзии Пушкина, но и в стихотворных текстах нашего времени. Очень нетрадиционный Владимир Маяковский включал в свои ранние стихи имена героев и авторов: *профланирую шагом Дон Жуана и фата* ("Кофта фата"), *как будто на небе строчка из Аверченко* ("Пустяк у Оки"); отдельные фразы из предшествующих, как Ю.Н. Караулов их называет, прецедентных [Караулов 1987: 217] текстов включались иногда буквально, а иногда в переделанном виде: *Причесываться? Зачем же?! На время не стоит труда, а вечно причесанным быть невозможно* ("Братья писатели"; ср. Лермонтова); *зацыкали те, кто у дуба,*

кормящего их, корни рылами роют ("Издевательства"; ср. Крылова). В "Тёркине на том свете" не слишком книжного поэта Александра Твардовского – множество ТР: реминисценции советских анкет и прочих документов (*Автобио опиши; в печати отражен; проверен, и самого автора проверим; не работал над собой; обязан доложить*), реминисценции из "Книги про бойца" – основного текста Теркина, пословицы и поговорки (*вместе без году неделя; хлеб-соль ешь, а правду режь*). Гораздо больше ТР у поэта более "книжного" – Александра Межирова: во взятых наудачу нескольких стихотворениях упоминаются и книга *Бытия*, пророк *Исайя*, *Псалтырь*, *Евангелия*, и "*Иметь и не иметь*" Хемингуэя, и Аксаков, братья Киреевские, Хомяков, и Иван Саввич Никитин, и Марина Цветаева, и Хлебников, цитируется Мюссе...

ТР отмечаются и в прозе. Примеров можно привести множество. В романе Д.Н. Мамина-Сибиряка "Приваловские миллионы" упоминаются Шиллер и Лермонтов, Шопенгауэр и Дарвин, библейские, антично-мифологические и литературные персонажи (*Соломон, Лазарь, Мария Магдалина, Гименей, Фауст, Маргарита*), фрагменты из устного народного творчества (*Ах, ты береза, да ты ль, моя береза; Широка Волга разливалась, с крутым бережком поровнялася*) [Генкель 1974: 498–505]. Множество литературных имен можно найти в автобиографической трилогии М. Горького, по 3–5 раз употреблены имена Лермонтов, Беранже, Робинзон, Гонкур, Гончаров, Диккенс, Дюма, Ефрем Сирин, Некрасов, Толстой, Тургенев, Чернышевский [Словарь Горького 1975]. А вот некоторые примеры, взятые из новой русской прозы: *Иных уж не было на свете, иные были далеке* (В. Гроссман. Несколько печальных дней, гл. 3); *Как ударили величальную – "Исайя, ликуй", – свечи заморгали* (Б. Можаяев. Мужики и бабы. 1, 2, 1); *Я – гений чистой красоты* (Виктор Ерофеев. Русская красавица, гл. 8; см. ту же ТР повторно в главах 8, 9, 23).

Многочисленны ТР в публицистике, например, в современных газетах: *Незабвенный майор Пронин из далекого совкового детства* (Литературная газета, 6.4.94); *Но вот принцесса Диана – Ирен Форсайт наших дней – уже вряд ли ослепит нас. Черт бы побрал этого Сомса* (Ком. пр. 1 апр. 1994); *Увы, горькое замечание Пушкина о том, что мы ленивы и нелюбопытны, не утратило своей актуальности и сейчас* (Вечерняя Москва, 3.3.94). Часто используются ТР в газетных заголовках: *Как слово наше отзовется* (А и Ф. № 41, окт. 1993); *Народ пока безмолвствует* (Лит. газ. 23 марта 1994); *Каждый из нас – немного Заверюха* (Ком. пр. 1 апр. 1994; ср. Маяковского); *Банкротства бояться – в рынок не ходить* (Нов. вр. № 2, янв. 1994). Ср. и подписи к иллюстрациям, например (на снимке – сосиски на рынке): *Вчера продавали по 5, ну очень хорошие* (Веч. Москва. 12 апр. 1994; из Жванецкого, где – о раках).

В деловых текстах ТР не только возможны, но и прямо необходимы. Так, в различных деловых бумагах необходимы отсылки к предшествующим документам, общим инструкциям, постановлениям и т.д. В научных сочинениях цитаты или ссылки на предшественников служат для указания на связь данной работы с развитием науки, на использование чужих результатов, на эрудицию автора, подкрепляют его тезисы и доказательства; предшествующие работы могут упоминаться или цитироваться также для того, чтобы полностью или частично отвергнуть их результаты или интерпретацию, и в других целях. Обилие, а иногда и предполагаемая формуляром необходимость ТР в деловой речи (ср. хотя бы обязательную ссылку на письмо, ответом на которое служит данное деловое письмо: *На Ваш №...*) снимает целесообразность приведения примеров.

Нередко встречаются ТР в устной речи различных видов. Так, к примеру, на первых ста страницах известного сборника разговорных текстов [РРР 1978] в записи бесед нефилологического и нетеатрального содержания можно встретить такие ТР:

бедный рыцарь (с. 44), *Штирлиц появился* (75), *не отомстил, но воздал* (86; двойная ТР – по Толстому, который цитирует Священное писание), *как Остап Бендер* (95).

Приведенные примеры показывают широту тех разновидностей текстов, в которых обнаруживаются ТР. Можно, видимо, говорить об относительно высокой частоте ТР в корпусе постоянно функционирующих (то есть читаемых) русских текстов, а также в бесконечно производимых текстах в процессе живой разговорной речи. Можно предположить, что ТР имеют тот же порядок частотности, что и фразеологизмы.

В ходе ассоциативных экспериментов у испытуемых в ответ на задаваемые слово-стимулы давно отмечается определенная часть реакций, имеющих характер текстовых реминисценций. В юмористическом рассказе Карела Чапека об ассоциативном эксперименте профессора Роусса (1929 г.) иронически изображены, например, реакции – газетные штампы, высказывавшие будто из автомата в качестве словесных ассоциаций у репортера Вашатко:

– Глаза.

– *Завязанные глаза Фемиды. Бревно в глазу. Открыть глаза на истину. Очевидец. Пускать пыль в глаза. Невинный взгляд дитяти. Хранить как зеницу ока.*

– *Не так много. Пиво.*

– *Настоящее пльзенское. Дурман алкоголя.*

– Музыка.

– *Музыка будущего. Заслуженный ансамбль. Мы – народ музыкантов. Манящие звуки. Концерт держав. Мирная свирель. Боевые фанфары. Национальный гимн...* ("Эксперимент профессора Роусса").

В ходе словесных ассоциативных экспериментов в ответ на слово-стимул испытуемые действительно иногда выдают реакции – ТР типа *овца – заблудшая, плод – познания, запретный, высокий – дядя Степа, вопить – в пустыне, человек – гордо, доктор – Айболит, ярость – благородная, злоба – дня, солдат – Швейк, тихий – Дон, время – жить, лампа – Алладина, хлеб – насыщенный, изба – Шукшин, туча – небесная, странница, Лермонтов, девочка – Золушка, проворный – Гаврош, ковер – самолет, город – мастеров, мальчик – с пальчик, осень – Пушкин, Михайловское, конь – Конёк-горбунок, свистеть – Соловей-разбойник, вор – Багдадский, Картуш, земля – Санникова, зима – крестьянин, белый – Бим* и др. (примеры взяты из русской части словаря Ю.Е. Ульянова [Ульянов 1988]). Стратегии ассоциирования в представленных примерах (многие из которых встречались в ответах испытуемых многократно) разнообразны, как и типы ТР в текстах (собственные имена авторов и персонажей, названия произведений и сочетания слов; заметим интересную реакцию на стимул *осень* – топоним Михайловское, обозначающий место ссылки поэта, много писавшего об осени).

Вопрос о текстовых реминисценциях в ассоциативном эксперименте был поставлен нами в докладе на V Всесоюзном симпозиуме по психолингвистике в 1975 году в связи с тем, что по нашим тогдашним данным около 1 тыс. из 70 тыс. полученных в ходе ассоциативного эксперимента реакций имели характер текстовых реминисценций [Супрун, Клименко, Титова 1975]. Это составляло около полутора процентов всех ассоциаций и превышало общую сумму всех фонетических, грамматических и словообразовательных ассоциаций в этом эксперименте (о такой классификации ассоциаций см. [Клименко 1974: 49–50]). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что при таком, все же не очень высоком количестве ТР в целом по эксперименту в ассоциативных полях отдельных стимулов ТР занимали до 10% всего ассоциативного поля, то есть приближались к частоте некоторых самых частых ответов. Так, в ассоциативном эксперименте Л.Н. Титовой [Титова 1975: 19] 61 испытуемый из 500 в ответ на стимул *остров* дал реакцию *сокровищ* (этот второй по частоте ответ, конечно, вызван названием известного романа Р.Л. Стивенсона), 26 ответили *Невезения* (по

песне на слова Л. Дербенева из популярного фильма Л. Гайдая "Бриллиантовая рука", широко демонстрировавшегося незадолго до эксперимента, проведенного в 1972 г.), да и самый частый ответ *необитаемый*, данный 62 испытуемыми, вполне вероятно, порожден гетерогенными литературными ассоциациями (по крайней мере у значительной части испытуемых; кстати, 8 отвечавших дали как реакцию имя *Робинзон*). В том же эксперименте самая частая реакция на стимул *страна* – определение из известной песни А.В. Александрова на слова В.И. Лебедева-Кумача *огромная* (54 ответа; ответы *большая, великая, моя* отмечены реже, 7 испытуемых назвали фантастическую литературную страну *Муравия* – по поэме А. Твардовского). По другим данным [Караулов 1987: 241], количество ТР меньше и составляет около 0,5% ответов испытуемых; думается, что это не меняет существенно порядок частоты реакций – текстовых реминисценций в ассоциативном эксперименте, а конкретные данные могут различаться за счет характера предъявленных испытуемым стимулов, за счет разной методики выделения ТР в числе реакций, за счет качественно иного состава испытуемых, а также элементарно в зависимости от других, в том числе чисто локальных и хронологических (разница в 15–20 лет), условий проведения экспериментов.

Так или иначе, не слишком редкие реакции типа текстовых реминисценций в ассоциативном эксперименте, встречающиеся в ответах ряда испытуемых, подтверждают определенную устойчивость соответствующих связей в сознании носителей языка и готовность выдать словесное воплощение таких связей по требованию, в том числе и в ходе проведения ассоциативного эксперимента.

Как сознательно, так и непроизвольно появляющиеся в текстах ТР возникают на базе знакомства участников общения с их источниками. Конечно, это условие может не реализоваться или выполняться не полностью. Получатель информации (слушающий, читающий) может не уловить связи с источником, не понять коннотаций и дополнительных нюансов, вносимых аллюзией к некоему тексту, о котором он и понятия не имеет (то есть данный текст не является для данного лица прецедентным), а может и вообще не понять сообщения (что, впрочем, не так уж редко бывает и без ТР).

В повести В. Гроссмана "Несколько печальных дней" один из персонажей рассказывает о своем заместителе: *Я уж говорил на коллегии: Плюшкин. Да не проймешь, мой Чепетников Гоголя не читал, не проработал* (гл. 3). Для современного русского читателя ясно, конечно, не только то, к кому приравнивает Чепетникова говорящий, но и то, что не знать Плюшкина мог необразованный выдвиженец 20-х или 30-х годов. Теперь, вероятно, нормальному взрослому русскому не знать Плюшкина просто невозможно.

Не всегда ссылка говорящего означает его действительное знакомство с источником. Получается как бы мнимая ТР. Один из персонажей романа Б. Можая "Мужики и бабы" заявляет:

– *Правильно сказал Карла Маркс – эту частную собственность надо под корень рубить.*

– *А ты что, Маркса читал?* – усмехнулся Андрей Иванович.

– *Я Маркса не читал, но вполне с ним согласный* (гл. 1.1.4).

Не вполне литературная речь (*Карла, я... согласный*) высвечивает недостаточную культуру персонажа, который, впрочем, уже известен читателю по тексту романа. Не слишком состоятельная ссылка на авторитет (вызвавшая иронию у собеседника: *усмехнулся*) вносит лишнюю черточку в характеристику героя произведения. Если встать на позицию этого героя, то ссылка на безусловный и, пожалуй, обязательный для него и его среды авторитет должна была повысить значимость утверждения и вести к практическим выводам. На деле – оказалось все не так. А впрочем, эта формула "не читал, но..." теперь имеет и новые дополнительные коннотации после неоднократных осуждений тех или иных авторов и произведений лицами, не

читавшими этих текстов. Можаяев показывает происхождение этот лихой и грустной формулы.

Интересно, что в обоих приведенных литературных примерах авторы предполагают у читателей знакомство (если не глубокое, то хотя бы поверхностное) с источниками ТР – Гоголем и Марксом. Непрецидентность (в случае с Плюшкиным) или некоторая неполноценная прецедентность (в случае с Марксом) соответствующих текстов для персонажей должна контрастировать с прецедентностью их у читателя, который тем самым ставится как бы выше персонажа. Без этого понимание приведенных фрагментов литературных текстов, не говоря уже об их эффективности, было бы поставлено под угрозу.

Механизм появления ТР в производимом тексте основан на том, что говорящий или пишущий вспоминает в процессе производства нового текста какую-то ситуацию, выражение из старого текста и в том или ином виде включает ее в новый текст.¹ Это может выглядеть как точная цитата. Так, в репортаже о предстоящем начале ледохода на Москве-реке его автор повторяет выражение *Лед тронулся, господа присяжные заседатели*, употребленное по другому поводу героем "Двенадцати стульев" И. Ильфа и Е. Петрова, указывая, что слова эти были произнесены неким заезжим коммерсантом "с пафосом, достойным великого комбинатора" (Вечерняя Москва, 9.3.1994), то есть косвенно напоминая источник цитаты. Цитата может быть неточной, нечаянно или умышленно искаженной. Иронически (что передано сниженным глаголом *подается*) говорится о героине очерка: *Подается в деревню, в сельские учительницы – сеять разумное, доброе и так далее...* (Веч. Москва. 25 февр. 1994). Здесь, в сущности, две реминисценции – к названию старого (1948 года) кинофильма ("Сельская учительница"), который время от времени ностальгически повторяется по телевидению, и к строке из Некрасовского стихотворения "Сеятелям". А ирония по отношению к героине очерка подчеркивается и незаконченностью цитаты из Некрасова с включением в поэтический текст делового *и так далее*. Изменения в цитате могут быть как серьезными, так и небольшими. Достаточно оказалось заменить лишь род местоимения в стихе из "Евгения Онегина" – и ТР стала вызывать шутовское отношение: *Ее пример – другим наука* (Неделя, № 9, март 1994). Возможен намек на текст через характерную ситуацию, так или иначе запомнившуюся читателям или слушателям текста: *Олень – хорошо, пароход – хорошо, самолет – ай хорошо* (Ком. пр. 1–4 апр. 1994), *Свои 30 рублей он (сексот) получил за то, что донес на своего сослуживца, что тот читает "Лолиту"* (Лит. газ. 6 апр. 1994: общая ситуация – предательство и тридцать денежных единиц как плата за него; ср. в Евангелии: *тридцать сребреников*). В этих случаях источники ТР не указаны; они достаточно известны: хрестоматийные стихотворные строки, популярная песня и Священное писание. Возможно, очевидно, введение ТР через собственные имена – имена авторов, персонажей и названия произведений. Именно эти четыре типа использования прецедентных текстов (цитату, название произведения, имя автора или персонажа) называл Ю.Н. Караулов [Караулов 1987: 218]. Так было в уже приведенных примерах с Карлом Марксом, Гоголем, Плюшкиным и "Лолитой". Можно отметить, что в примере с Плюшкиным соседствует и упоминание фамилии автора: фактически двойная реминисценция. В случае с "Лолитой" – имеется и косвенная реминисценция к имени героини и названию повести Набокова, долгое время у нас запрещенного. Имя персонажа может выступать не обязательно в своей основной форме. В связи с цитатой из "Двенадцати стульев" можно отметить, что герой этого романа назван не прямым (надо сказать, достаточно известным) антропонимом (*Остап Бендер*), но прозвищем, зафиксированным в виде заголовка пятой главы романа.

Источником ТР является более или менее широкий корпус текстов, состав которого может быть определен как размытое или нечеткое множество. Разумеется, было бы бессмысленным говорить о некоем всеобщем корпусе источников ТР для различ-

ных языков. Это не исключает наличия некоторых общих ТР в языках, объединенных общими элементами цивилизации. Таковы, вероятно, ТР из Библии. В ассоциативных словарях многих европейских языков (русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, литовском, латышском, английском, немецком, французском) можно обнаружить бином *соль – земля*, восходящий к библейскому выражению *соль земли*. Количество подобных библейских ТР можно легко расширить. Общими могут быть для европейской цивилизации и ТР из некоторых известных текстов. Иначе было бы, видимо, затруднено полнокровное понимание многих текстов. Но в целом все же корпус источников ТР достаточно специфичен для каждого языка. Более того, соответствующий корпус текстов различен в различных сферах носителей языка, он довольно подвижен исторически не только в связи с появлением новых текстов, но и в связи с изменениями культурного уровня носителей языка, сменой господствующих политических взглядов в обществе и т.п. Применительно к русскому языку Ю.Н. Караулов решал вопрос о корпусе источников ТР в рамках своей теории прецедентных текстов [Караулов 1987: 216–237]. В принципе соображения эти представляются вполне убедительными, но, возможно, не следует ограничивать корпус источников ТР только "прецедентными" текстами из большой литературы. Едва ли должны быть изъяты из числа текстов, на базе которых возникают ТР, другие тексты, в том числе и газетные фельетоны (вспомним хотя бы многолетнее существование не самой удачной ТР из фельетона, кажется, второй половины 50-х годов *плесень* – о молодежи из "хороших семей", представители которой вели себя по тем временам, скажем, недостаточно стандартно), законы, инструкции и просто анкеты. Уместно в этих случаях говорить о различной долговечности ТР, о большей или меньшей роли их в осуществлении креативной функции языка, но полностью игнорировать их едва ли следует. Для языка ведь не так уж важен источник ТР и тем более его квалификация.

Корпус источников ТР довольно велик, хотя разработан он с разной степенью глубины. Так, ряд образов (лиц) и некоторые ситуации дал фольклор: *Илья Муромец, Соловей-разбойник, Садко, Алеша Попович, Добрыня Никитич, Иван-дурак, Василиса Прекрасная, Аленушка, Кащей Бессмертный, Баба Яга*, сидение сиднем тридцать три года, принятие решения у развязки дороги (*направо пойдешь...*), *хитрая лиса, голодный волк, трусовато-хвастливый заяц* и др.

Вопреки семидесятилетию государственного атеизма Библия продолжает оставаться источником множества ТР. Из Ветхого завета довольно употребителен ряд ТР к определенным ситуациям: семь дней творения, сотворение Евы, грехопадение Евы и Адама, изгнание из рая, всемирный потоп, Ноев ковчег, в коем *каждой твари по паре*, Вавилонское столпотворение, Иона во чреве китовом и мн. др. Колоритные ветхозаветные фигуры пророка Моисея и Давида-песнопевца, царя Соломона и Каина, Руфи и Суламифи, Хама и змия-соблазнителя живы благодаря своей яркой специфике и производимому ими впечатлению. Особенно много ТР из Нового завета, прежде всего из Евангелия: Благовещение и Рождество Христово, поклонение волхвов, усекновение главы Иоанна Крестителя, притчи о блудном сыне, об умных и глупых девах, об исцелении Лазаря и об изгнании бесов, рассказ о насыщении тысяч немногими хлебами, тайная вечеря, Иудин поцелуй, 30 сребреников, отречение Петра, крестный путь и распятие, воскресение и вознесение Христово – это далеко не полный перечень тех фрагментов из Священного писания, которые бытуют в повседневном нашем словоупотреблении как ТР. Быть может, стоит отметить, что определенную роль в этом плане сыграли названия произведений изобразительного искусства, которые все же оставались под своими именами не только на стенах музеев, но подчас и на страницах альбомов и на открытках.

Вошли в корпус источников ТР и некоторые произведения античной мифологии и литературы. Нередко вспоминаются подвиги Геракла, миф о Сцилле и Харибде, Прометей, царь Эдип, Парис, троянский конь, прекрасная Елена, странствия Одиссея

и терпеливое ожидание Пенелопы. Встречаются ТР и к произведениям древнерусской литературы. Плач Ярославны упоминает даже женщина легкого поведения – героиня "Русской красавицы" Виктора Ерофеева (гл. 13). Встречаются обращения к другим древнерусским текстам, в частности, к летописи (призыв прийти княжить и править нами с грустной констатацией, что *земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет*, актуальной, кажется, еще и тысячу лет спустя; крещение киевлян в Днепре и т.п.).

Не так уж редки у носителей русского языка ТР из произведений мировой (так называемой зарубежной) литературы. Ср. из той же "Русской красавицы": *У меня развился локальный комплекс Эммы Бовари* (гл. 3, ср. и гл. 12); *И основной, зубоскалит, вопрос – быть или убыть* (гл. 14); *Ты живуча как сорок тысяч кошек* (вероятно – аллюзия к сорока тысячам братьев; гл. 2, дважды). Нередки ТР из зарубежной литературы в прессе: *Ваша информация о проигрыше, как сказал бы Марк Твен, слегка преувеличена и преждевременна* (А и Ф. № 41, окт. 1993); *Наш человек в Берлине* (парафраза названия романа Грэма Грина; Лит. газ. 23 марта 1994). В очерке об акад. Н.П. Бехтеревой "Что там в Зазеркалье" (в заголовке – образ Л. Кэрролла): *Есть многое на свете, друг Горацио...* (Моск. новости. 27 февр. – 6 марта 1994). Стоит отметить популярность некоторых "непрограммных" – не изучаемых, кажется, нигде специально – произведений – таких, как романы А. Дюма: *Его любимым героем был Атос из "Трех мушкетеров"* (В. Гроссман. В Кисловодске). Можно указать и нередкие ТР из произведений литературы бывшего Советского Союза – от грузинской песни до современного автора из Киргизии: *Спойте хором песню "Сулико"* (Лит. газ. 23 марта 1994); *Освобождение от манкуртизма* (там же).

Но, разумеется, наибольшее место в корпусе источников ТР в русской языковой среде занимает русская литература. Прежде всего это так называемая программная литература – тексты, изучаемые в школе: Крылов, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Гончаров, Тютчев, Чехов, Маяковский, Горький. Очень популярен в этом плане Пушкин: *Мороз. И солнце...* (Лит. газ. 16 марта 1994; заголовок); *Мы уважать себя заставим* (Комсомольская правда, 23 марта 1994; заголовок); *Донесет своей пиковой даме* (В. Ерофеев. Русская красавица, гл. 9); *Иных уж нет, но "не" есть* (Ком. пр. 1–4 апр. 1994).

Немало ТР из текстов, которые не изучались в школе. Ср.: *Принц Серебряный* (Веч. Москва, 15 марта 1994). *Посади свои денежки, умненький Буратино!* (Лит. газ. 16 марта 1994). Пожалуй, на первом месте здесь два романа И. Ильфа и Е. Петрова. Ср., например: *Подайте члену Государственной думы* (Ком. пр. 8–11 апр. 1994). Но немало ТР и из других авторов, чтение которых распространено в обществе в данный период (возможно, конечно, не весьма ограниченный во времени), например, из В. Набокова, Ю. Домбровского: *Чувствуешь себя вроде Цинцинната из "Приглашения на казнь"* (Лит. газ. 16 марта 1994); *Факультет нужных вещей* (Лит. газ. 16 марта 1994; заголовок).

Многие ТР отражают популярные (в разные годы – разные) песни: *Когда она напевала "Наш уголок я убрала цветами"...* (Б. Можжев. Полтора квадратных метра, гл. 3); *Они обожали Вертинского* (В. Гроссман. В Кисловодске); *Каким ты был... таким ты и остался* (В. Ерофеев. Русская красавица, гл. 30; ср. кинофильм "Кубанские казаки"). Источниками многих ТР являются кинофильмы (в том числе их заглавия, песни из них): *Нас ждет холодное лето 1994* (Ком. пр. 4–7 апр. 1994); *Ша! Дибров думать будет* (Неделя. № 15, апр. 1994). Возможно, что в некоторых случаях именно экранизации литературных произведений оказываются важным фактором в возникновении ТР из них.

Определенную роль в корпусе источников ТР играют различного рода политические тексты; надо заметить, что они обычно не слишком долговечны. Юмор заголовка "Очередные дачи российской власти" (Ком. пр. 25 сент. 1993) очевиден тем, кто прорабатывал статью Ленина "Очередные задачи советской власти", но отсут-

ствуется для более молодых читателей, которые этого не сподобились. ТР *Анпилов еще покажет коммунистам кузькину мать* (Веч. Москва. 1 апр. 1994) ясна тем, кто помнит или знает, как угрожал кузькиной матерью капиталистам (как только им, бедным, было это понять?!) Хрущев, и вместе с тем знает (хоть приблизительно), кто такой Анпилов; но без этого "двойное дно" заголовка не срабатывает, а тем самым он теряет смысл. ТР политического происхождения требуют при восприятии, пожалуй, более обязательного (хотя и не абсолютно необходимого и уж, конечно, не обязательно точного) понимания источника. Ср., к примеру: *Конечно, "Кресты" в сравнении с советскими тюрьмами – это еще тюрьма "с человеческим лицом"* (Русская мысль. 11 окт. 1991).

Особую роль среди источников ТР играет детская литература. Ведь в детском возрасте и память лучше функционирует, и душа воспринимает непосредственное и глубже. Вероятно, и большое количество ТР из школьной "программной" литературы с этим связано. Тогда ведь и читается нередко больше, чем в последующие "зрелые" годы. Вероятно, львиная доля общего фонда ТР формируется именно в детском, подростковом и юношеском возрасте. И многое из этой доли является источником ТР в повседневной живой речи, в письмах, да и в других самых разнообразных видах текстов. *Зазеркалье, Атос, Красная Шапочка, Винни-Пух* являются примером элементов интернационального фонда ТР, *вышедших из детства* (да простится мне эта невольная ТР), а многие сказочные персонажи входят в национальные серии ТР тоже из детства.

Разумеется, нельзя четко ограничить корпус источников ТР. "То, что читали (видели, слышали) все (или по крайней мере – многие)" – вероятно, не очень четкое, но, может быть, вполне реальное определение такого корпуса. Само понятие ТР не может быть жестким. Нередко соотнесение с источником реминисценции сомнительно не только для адресата, но и для адресанта, иногда такого соотнесения просто не возникает, а следовательно – как бы и нет ТР (хотя есть устойчивый штамп, источник которого не воспринимается его пользователем). Впрочем, язык – вообще не жесткая логическая машина, а устройство, потому и способное к передаче тончайших нюансов мыслей и чувств, что это устройство постоянно находится в динамике, постоянно подстраивается к нуждам общения, постоянно изменяется, не имея чрезмерно жестких правил. А ТР как раз и служат постоянному обновлению, расширению, обогащению коммуникативных возможностей языка как устройства для производства и восприятия текстов.

Четкого и тем более единого внешнего оформления ТР не имеют, хотя и получают иногда определенную интонационную характеристику, передающую чужую речь или намек на чуждость некоторого фрагмента текста. В письменной речи собственные имена автора или персонажа выделяются как все собственные имена, а цитаты иногда даются в кавычках, изредка выделяются теми или иными шрифтовыми подчеркиваниями (курсив, разрядка, жирный шрифт и под.), но часто остаются без всякого выделения, что затрудняет восприятие соответствующих фрагментов как ТР, но тем самым косвенно подчеркивает ценность правильного восприятия ТР как ТР. Рассматривая различного типа примеры ТР и их использования, приходится прийти к заключению, что специальной формой в языке ТР не располагают. Впрочем, наличие и единство специальной формы у фразеологизмов также сомнительно.

Тем не менее есть некоторые основания считать ТР как воспроизводимые элементы текста языковыми явлениями. Можно по-разному квалифицировать ТР – отражения прочитанного, услышанного, увиденного. Можно считать их частью языка, как фразеологический, лексический составы, как стилистические регистры, конечно, пограничной частью, требующей особого изучения с социолингвистической позиции (например, количественной оценки понимания их как реминисценций носителями языка, а вместе с тем и оценки эстетического восприятия текстов с ТР, а также целостного понимания текстов с такими реминисцентными элементами в зависимости от понимания их происхождения), специального анализа и установления корпуса

источников (живая этимология!). Конечно, ТР – переходная, пограничная часть языка, а потому требуется, например, изучение соотношения реминисцентных, фразеологических и свободных единиц на синхронической и диахронической оси. Анализ ТР связан с общими тенденциями увеличения места лингвистики текста в лингвистической науке, представляя собой весьма специфический аспект этого направления науки. В определенных направлениях изучение ТР связано с социолитературными и, возможно, даже с политологическими исследованиями. Анализ ТР может быть интереснейшим материалом, а в чем-то – и орудием психолингвистического изучения процессов производства и восприятия текстов (т.е. процессов речи).

ТР – на грани индивидуального и социального в системе языка и его использовании. Значительная часть ТР в реальных текстах представляет собой индивидуальные проявления памяти говорящего и слушающего (искушенной части слушающих). Для возникновения и функционирования ТР важно, как уже отмечено, чтобы ТР не ограничивались памятью адресанта, желательно, чтобы они вызывали соответствующий отклик у адресата. Определенная часть ТР объединяет широкий круг общающихся, иногда практически всех носителей социолекта или всех носителей данного языка. ТР могут возникать произвольно и относиться к частым, постоянным коннотациям некоторых слов и выражений. Именно в таких случаях усиливается основание считать ТР фрагментами языка как устройства (динамической структуры) для производства (порождения) и восприятия (дешифровки) текстов.

Можно говорить о близости или переплетении в нашей памяти хранилищ фразеологизмов, паремий и ТР. Вообще соотношение ТР и фразеологизмов чрезвычайно сложно. Есть достаточно оснований думать, что некоторые пословицы и фразеологические выражения возникли тоже из ТР, но затем соответствующие тексты были забыты, остались одни реминисценции (нередко – в усеченном виде), которые и входят в фразеологический состав языка (об этом писал В.В. Виноградов еще в самом начале разработки у нас теории фразеологии [Виноградов 1947: 357]). Быть может, главное отличие ТР от фразеологизмов – в том, что если фразеологизмы – в общем и целом – стремятся к потенциальному замещению слов, то ТР такой тенденции не имеют. В определенной мере эта особенность ТР сближает их с пословицами, но и здесь нет полного сходства, так как ТР нередко – не просто словесное выражение, но напоминание образа и ситуации. Конечно, ТР может быть сведена к упоминанию персонажа или автора, то есть к тому же одному слову, но это совсем не то же, что замещение фразеологизмом слова в некотором контексте. Здесь, напротив, – замещение словом (именем) некоторой ТР, а собственно ТР несводима к такому намеку, только к имени. Имя в данном случае лишь знак более широкого контекста, знак ТР.

Не вполне ясна организация хранения в памяти текстов или, зачастую, их своеобразных дайджестов, фрагменты которых могут быть использованы в самых различных ситуациях. Совершенно справедлива мысль о дейктивности "прецедентных высказываний", которые нами характеризуются как ТР, высказанная в связи с разбором путей возникновения "прецедентности" [Костомаров, Бурвикова 1994]. Конечно, чеховский *Ванька Жуков* чаще всего припоминается своим бессмертным адресом *на деревню дедушке*, но ведь в памяти хранится и судьба бедного деревенского мальчишки, получающего *выволочки* от своего хозяина. А из "*Хамелеона*" вспоминается и быстро меняющий свои мнения полицейский надзиратель (сходству которого в определенном смысле с существом, меняющим окраску в зависимости от окружающей среды, рассказ и обязан своим названием), и золотых дел мастер Хрюкин, и досужая публика, обсуждающая мелкое происшествие, и даже собачка, укусившая обидчика и вызвавшая этим все псевдособытие. Впрочем, ведь и слова поливалентны. А значит, хранилище таких знаков как дайджестов текстов может быть построено, как и хранение слов, по многомерной схеме.

Вероятно, нет принципиальной разницы в процессе возникновения ТР непроизвольного и осознанного характера. Этим хотелось бы отметить, что применение слова *использование* к п р е ц е д е н т н ы м т е к с т а м относится скорее всего

лишь к сознательному введению воспоминания о таком тексте в новый производимый в данный момент текст. Прежде всего произвольное или сознательное применение ТР различается, подобно обычному поиску нужного слова в устной и письменной речи при производстве текстов, по времени, что связано с возможностями перебора вариантов. Хотя, конечно, сборники "крылатых слов" имеются в редакциях и у авторов, могут существовать и соответствующие картотеки в той или иной форме (как существуют и самодельные словари вроде удостоенного публикации солженицынского "Русского словаря языкового расширения" [Солженицын 1990]), обращение к ним не всегда происходит в действительности, да и сам акт такого обращения при несовершенстве входов и выходов в подобные словари (что хорошо известно пользователям фразеологических словарей), как правило, имеет место скорее для уточнения, проверки ТР, чем для ее первичного поиска.

Нет принципиального различия в восприятии осознанных и непроизвольных ТР. В обоих случаях адресат разыскивает в своей памяти источник (с большей или меньшей точностью, очерченностью или размытостью), и лишь тогда ТР начинает быть для него ТР. Но ведь и с обычными словами имеет место нечто подобное: можно не знать, что такое *тринитробензол*, догадываясь лишь, что это химическое вещество, а, к примеру, *катальпа* – некое растение, но это не мешает в общем и целом понимать текст, где употреблены эти слова. Конечно, гораздо лучше было бы знать точнее, но бесконечные вопросы и порой споры между современными горожанами на тему "что это за дерево" или "какая это птичка" свидетельствуют о возможности или даже, точнее, реальности приблизительного восприятия значения немалого количества слов. В этом смысле ТР могут рассматриваться как достаточно типичные языковые единицы; не случайно вообще языковые единицы благодаря размытости границ своего содержания и формы потребовали введения математиками адекватного сути этих единиц понятия лингвистических переменных [Заде 1976]. Как правило, считается, что ожидаемый адресат текста может вспомнить, если не блестяще, то удовлетворительно, источник ТР и соответствующую ситуацию или образ в источнике. Изредка даже – с использованием какого-то пособия, помогающего уточнить источник и ситуацию, подобно тому как словарь помогает лучше понять слово. В реальности это не всегда так. Дело в том, что набор прецедентных текстов различен для разных членов социума: одни читали одни тексты, смотрели одни спектакли и фильмы, слушали одни романсы и песни, а другие – совсем иные, а потому ассоциации к прочитанному, услышанному и увиденному у одних носителей языка нередко отличаются от ассоциаций, имеющихся в сознании других носителей языка. Почти полное незнание многими иностранцами источников частых ТР, особенно специфически национальных, ведет к большим трудностям вполне адекватного (а значит – с раскрытием ТР!) понимания текстов и ставит лингводидактическую задачу установления некоего минимума прецедентных текстов, обеспечивающего адекватное восприятие хотя бы важнейших для данного языка ТР.

В функциональном плане ТР используются прежде всего для осуществления нескольких задач. Часто ТР служат для наиболее четкой, соответствующей замыслу передачи некоторого фрагмента сообщения с опорой на предшествующий словесный опыт. Так, использование штампов, стандартных формулировок в официальных, деловых и полуделовых сообщениях избавляет адресанта от необходимости заново придумывать уже найденные словесные формулы. Иногда подобного рода опора на прецедентный текст выполняет также определенную эстетическую подзадачу, обращая внимание адресата на уже имеющийся образ или на уже имеющуюся, с точки зрения адресанта хорошо подходящую характеристику.

Поскольку ТР оказываются одним из средств накопления знаний, они могут поместить тот или иной факт, о котором речь идет в тексте, в историческую перспективу, в вертикальный контекст. В стихотворении Анны Ахматовой "При-вольем пахнет дикий мед" завершающие текст семь строк, соотносящие кровавые преступления, на которые намекается в тексте, написанном в 1933 году, с пре-

ступлениями Понтия Пилата и леди Макбет (прямо в стихотворении не названных), ставят те кровавые злодеяния, о которых идет речь, в единый исторический контекст с наиболее известными злодеяниями правящих особ в истории и напоминают, что такие преступления не забываются и кровь не может быть смыта с рук убийцы. В этом случае оказывается, что постановка некоторого события рядом с другими крупными историческими событиями придает тому, о чем речь, значительный (отрицательный или положительный) вес. Таковы ТР всего стихотворения "Распятие" (начиная с заглавия) в ахматовском "Реквиеме". Но помещение в исторический контекст некоторого события может служить демонстрации его мелочности и несоизмеримости с тем крупным, о котором речь в источнике, а следовательно, ТР имеет целью создать у адресата комический эффект при оценке им содержания сообщения. Мы видели такое намерение автора при использовании сокращенной цитаты из Некрасовского стихотворения "Сеятелям".

Временами появление ТР в тексте связано с желанием адресанта использовать некий уже имеющийся образ в новом, не претендующим на оригинальную образность (например, газетном) сообщении, оживляя тем самым текст. Вероятно, с таким эстетическим функциональным использованием ТР связано довольно частое применение их в публицистике, например, в заголовках некоторых изданий.

ТР может быть использована как ссылка на авторитет, как своего рода подтверждение (если не доказательство) правильности высказываемой мысли, как указание на ее источник. Очень часты такого рода ТР в деловых, в частности, в научных текстах, но встречаются и в публицистике, а также других жанрах.

Специфический, в сильной мере индивидуализированный характер ТР обуславливает различные коннотации (возвышенную, повседневно-обыденную, ироническую) в зависимости от смысла всего высказывания, отражающие отношения адресанта (и всего кортежа общения) к содержанию мысли, к автору источника ТР, к обстоятельствам воспроизведения и т.д.

Текстовые реминисценции отличаются от обычных языковых единиц особенностями своей воспроизводимости: воспроизводится план содержания, но не может быть всегда и полностью воспроизведен план выражения, поскольку нет жесткой формы ТР; не только одна и та же ТР может иметь разные планы выражения (имя автора и имена персонажей в разных формах, цитата и намек на ситуацию или событие, название источника и косвенное указание хронотопа), но и вообще не существует некоего точного и обязательного плана выражения ТР. Надо сказать также, что хотя и имеется некоторый – пусть и расплывчатый, с размытыми границами – план содержания ТР, но это не семантика в обычном смысле слова – это не отношение к значениям других языковых единиц, это не место в семантической системе, а лишь аналогия подобной ситуации, подобному образу, подобному событию, уже описанному в другом тексте, память о котором сохраняют участники общения. В этом и состоит не просто периферийность, но и некоторая пограничность места ТР в языке: это скорее не строгие единицы как слова, морфемы, предложения, фразеологизмы, а такие элементы, которые относятся, быть может, больше к психологическим феноменам памяти, чем собственно языка как системы, но поскольку эта память – о словесных явлениях, она примыкает к языковому устройству и ТР могут рассматриваться как часть языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адрианова-Перетц В.П. 1947 – Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.
Виноградов В.В. 1947 – Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А.А. Шахматов, 1864 – 1920: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947.
Генкель М.А. 1974 – Частотный словарь романа Д.Н. Мамина-Сибиряка "Приваловские миллионы". Пермь, 1974.
Заде Л. 1976 – Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М., 1976.
Караулов Ю.Н. 1987 – Русский язык и языковая личность. М., 1987.

- Клименко А.П. 1974 – Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск, 1974.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. 1994 – Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1.
- Лексика 1981 – Лексика и фразеология "Моления" Даниила Заточника. Л., 1981.
- Лурия А.Р. 1979 – Язык и сознание. М., 1979.
- РРР 1978 – Русская разговорная речь: Тексты / Отв. ред. Е.А. Земская и Л.А. Капанадзе. М., 1978.
- Словарь Горького 1975 – Словарь автобиографической трилогии М. Горького: Имена собственные (личные имена, географические названия и заглавия литературных произведений). Л., 1975.
- Солженицын А.И. 1990 – Русский словарь языкового расширения. М., 1990.
- Супрун А.Е., Клименко А.П., Титова Л.Н. 1975 – Текстовые реминисценции в ассоциативном эксперименте // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Ленинград, 27–30 мая 1975 г.). Ч. 1. М., 1975.
- Титова Л.Н. 1975 – Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе, 1975.
- Тынянов Ю. 1983 – Корней Чуковский // Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1983.
- Ульянов Ю.Е. 1988 – Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига, 1988.
- Фрэзер Дж.Дж. 1990 – Фольклор в Ветхом завете. М., 1990.